

СТАДИИ РАЗВИТИЯ ЭТНОКОНТАКТНЫХ ЗОН ЭСТОНИИ, ЛАТВИИ И ЛИТВЫ С КОНЦА XIX ВЕКА

Н. К. Теренина

А. Г. Манаков

Р. Н. Кроток

Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2

Поступила в редакцию 09.09.2023 г.

Принята к публикации 21.03.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-2-8

© Теренина Н. К., Манаков А. Г.,

Кроток Р. Н., 2024

Анализ изменения этнической структуры населения входит в число наиболее актуальных тем изучения развития Эстонии, Латвии и Литвы. Целью работы является выявление стадий развития этноконтактных зон на территории стран Прибалтики по этнической статистике с конца XIX в. по настоящее время. Научная новизна исследования связана с разработкой методики выделения стадий развития этноконтактных зон. Методика строится на одновременном учете направленности изменения индекса этнической мозаичности, определяющей фазы роста и растворения этноконтактных зон, и положительной или отрицательной динамики доли титульных этносов. На основании величины индекса этнической мозаичности выделено пять наиболее выраженных этноконтактных зон, в число которых вошли все столицы стран Прибалтики, а также уезд Ида-Вирумаа в Эстонии и регион Латгале в Латвии. Данные этноконтактные зоны продемонстрировали три разных типа динамики за последние полтора века. Первый тип представили Таллин, Рига и регион Латгале. В этом типе чередуются фазы роста и растворения этноконтактных зон, соответствующие изменению доли титульных этносов в зависимости от политической истории республик. Второй тип продемонстрировал эстонский уезд Ида-Вирумаа, успевший испытать обе фазы развития этноконтактной зоны при положительной динамике нетитульного населения. Третий тип динамики, представленный Вильнюсом, включает фазы роста и растворения этноконтактной зоны при росте доли титульного этноса. Разработанная авторами методика может быть использована для анализа особенностей развития этноконтактных зон на других территориях.

Ключевые слова:

национальный состав, индекс этнической мозаичности, моноэтничность, полиэтничность, титульные народы, нетитульное население

Введение

Изменение национального состава населения входит в число наиболее актуальных тем исследования современного развития стран Прибалтики (Эстонии, Латвии и Литвы). Вместе с тем существует интерес и к изучению этнодемографических процессов на их территории в течение длительного временного интервала. Наиболее важным фактором изменений в этнической структуре населения Эстонии, Латвии и Литвы в XX и начале XXI в. были миграционные процессы, направленность

Для цитирования: Теренина Н. К., Манаков А. Г., Кроток Р. Н. Стадии развития этноконтактных зон Эстонии, Латвии и Литвы с конца XIX века // Балтийский регион. 2024. Т. 16, №2. С. 144–156.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-2-8

которых, в свою очередь, определялась политическим статусом республик. Периоды первой и второй независимости (1920—1940 гг. и с 1991 г.) характеризуются ростом удельного веса титульных народов республик, а советского периода — увеличением в них доли нетитульного населения.

При этом ход этнодемографических процессов имел значительные территориальные различия. С одной стороны, часть территории республик сохраняла моноэтничность, оставаясь в стороне от миграционных потоков населения, с другой — формировались зоны наиболее интенсивного контакта коренного и пришлого населения. Становление и развитие этноконтактных зон охватывает значительный период, зачастую не укладывающийся в одно столетие. Однако статистический анализ развития этноконтактных зон имеет более ограниченный временной интервал, так как он может опираться только на результаты учетов и переписей населения. В данном исследовании представлен опыт проведения такого анализа, для чего авторами на основе этнической статистики с 1881 г. по настоящее время была разработана методика выделения стадий развития этноконтактных зон, находящихся на современной территории Эстонии, Латвии и Литвы.

Следует отметить, что понятие этноконтактной зоны в исследовании строится на основе геопространственного подхода, разработанного в отечественной культурной географии. Этноконтактные зоны рассматриваются в качестве элемента территориальной структуры этнического слоя геокультурного пространства (этнического пространства), являющегося результатом наложения двух или более этнотерриториальных систем. В соответствии с данным подходом возможно выделение этноконтактных зон разного иерархического уровня — от цивилизационного (макроуровня) до локального (микроуровня). В данном случае в качестве объекта исследования выступают этноконтактные зоны регионального масштаба (мезоуровня).

Целью исследования является выявление стадий развития наиболее выраженных этноконтактных зон Эстонии, Латвии и Литвы по этнической статистике с конца XIX в. по настоящее время.

Степень изученности проблемы

Традиционным подходом в изучении формирования национального состава населения Прибалтики в XIX в., а также динамики этнической структуры населения Эстонии, Латвии и Литвы в XX в. является анализ изменения численности и удельного веса основных этнических групп между годами переписей и учетов населения. Наиболее полный этнодемографический анализ, опирающийся на данный подход, был осуществлен в работах О. Е. Казьминой [1; 2] и В. М. Кабузана [3].

Однако уже с 60-х гг. XX в. в отечественной науке стали разрабатываться показатели, которые используются для оценки неоднородности этнической структуры населения территорий. Ныне с этой целью чаще всего применяется индекс этнической мозаичности, предложенный в 1976 г. Б. М. Эккелем [4]. Хотя нужно отметить, что такое название индекса применил еще в 1969 г. В. В. Покшишевский [5]. В то время предлагались разные формулы для расчета этнической мозаичности городов и регионов, но признание получил именно индекс Б. М. Эккеля, который позволяет сравнивать мозаичность национального состава населения любых сопоставимых территорий [6].

Индекс этнической мозаичности (ИЭМ) рассчитывается по формуле

$$\text{ИЭМ} = 1 - \sum_{i=1}^N (n_i)^2,$$

где N — количество национальностей, представленных в регионе, n_i — удельный вес i -й национальности в населении региона.

Впрочем, в мировой науке данный показатель был впервые предложен за 20 лет до Б. М. Эккеля Дж. Гринбергом [7] для изучения языкового разнообразия населения и был назван индексом этнолингвистической фракционализации. В последующем у Дж. Гринберга появилось много последователей, и за этим показателем в зарубежной науке закрепилось название «индекс этнической фракционализации» ([8—11] и др.). Данный индекс чаще всего используется для поиска взаимосвязи между этническим разнообразием стран и регионов и их экономическим развитием ([12—14] и др.). Данную тематику исследований подхватили и российские экономисты, которые также оперируют предложенным в зарубежной науке названием индекса ([15—17] и др.).

Индекс этнической мозаичности (индекс этнической фракционализации) ныне часто используется в этнической географии и этнодемографии, в том числе для анализа динамики сложности этнической структуры населения стран и регионов. Чаще всего для этого применяется графический способ отображения изменения показателя. Так, например, можно отметить работу Л. Дражановой [18], где представлены результаты расчета индекса по 162 странам мира за период с 1945 по 2013 г., или публикации А. Немца [19; 20], в которой была рассчитана величина индекса на территории Латвии с 1897 по 2011 г. Среди отечественных исследований можно отметить, например, расчет Д. Ю. Дорофеевой и М. С. Савоскул [6] ИЭМ по ряду регионов России по итогам всех переписей населения между 1959 и 2002 гг. У авторов данной статьи также имеется опыт расчета ИЭМ за длительный временной интервал (начиная с переписи населения 1897 г.) для таких регионов, как Центральная Азия [21] и Крым [22].

Предпринимались также попытки отображения динамики индекса по регионам страны с помощью картографического метода исследования, например в работах [20; 23; 24]. Минус использования данной методики связан с необходимостью разработки картографического материала для каждого временного интервала. Но имеется и преимущество, связанное с возможностью выявления пространственных закономерностей и особенностей изменения ИЭМ на территории страны.

Материалы и методы

Информационной базой исследования являются данные переписей и учетов населения на территории Эстонии, Латвии и Литвы, размещенные на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR¹.

На основе данной статистики рассчитан ИЭМ по всем уездам Эстонии, Литвы и статистическим регионам Латвии за 2021 г., а также по пяти отобраным регионам, представляющими собой существующие более века этноконтрактные зоны (три современные столицы государств, а также Латгале в Латвии и Ида-Вирумаа в Эстонии), по всем итогам переписей и учетов населения с 1881 по 2022 г.

С. А. Горохов [25] обращает внимание на два недостатка ИЭМ: 1) нечеткость диапазона значений, принимаемых показателем; 2) неявная зависимость значений показателя от числа учтенных в регионе национальностей. Множество значений ИЭМ принадлежит интервалу от 0 до $1 - 1/N$, где N — число учтенных в регионе национальностей. С. А. Горохов предлагает нормировать ИЭМ по количеству национальностей и тем самым привести множество значений показателя к интервалу от 0 до 1. Такой показатель автор предложил назвать модифицированным индексом мозаичности (МИМ). Рассчитывается он следующим образом: $МИМ = ИЭМ / (1 - 1/N)$.

¹ Population statistics of Eastern Europe & former USSR, URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 26.07.2023).

Благодаря однозначности интервала принимаемых значений МИМ удобен для сравнительного анализа. Однако его использование на практике вызывает сложности, которые редко встречаются при оценке религиозной мозаичности, где С. А. Горуховым в первую очередь и предложено использование МИМ. Для начала нужно отметить, что обычно в государствах и их крупных регионах учитываются предстатели до ста и более национальностей, благодаря чему разница между величиной ИЭМ и МИМ является минимальной. Но на микрорегиональном уровне приходится сталкиваться с проблемой ограниченности этнической статистики, характеризующей к тому же произвольным отбором указываемых национальностей. На расчете величины ИЭМ ограниченность количества учтенных национальностей сказывается незначительно, так как всегда в первую очередь отбираются более многочисленные этнические группы. Но их количество заметно сказывается на величине МИМ, в результате чего при сравнении МИМ за разные годы возникают «скачки», вызванные исключительно числом учтенных этнических групп. Поэтому в связи со спецификой этнической статистики на микрорегиональном уровне нами в исследовании применяется не МИМ, а ИЭМ.

Я. З. Гарипов [26] отмечает, что значительным недостатком методики Б. М. Эккеля является то, что она не учитывает соотношение в населении национальных автономий коренного и некоренного населения. Так, например, ИЭМ может принимать равные значения в национальных регионах, где явно превалирует титульное население или же численно преобладает нетитульное население. С учетом данного замечания нами предложена методика, которая строится на одновременном анализе положительной или отрицательной динамики ИЭМ и доли титульных этносов территорий.

На карте, где представлена величина ИЭМ по регионам Эстонии, Латвии и Литвы за 2021 г., используется шкала ИЭМ, которая наиболее часто применяется в этногеографических исследованиях. Основными отсечками этой градации является величина ИЭМ, равная 0,2 и 0,4. Такая шкала ИЭМ использована, например, в работах [27—30] и др. Формально территории, где ИЭМ составляет менее 0,2, можно относить к моноэтническим, а свыше 0,2 — к этноконтактным зонам. Но из-за достаточного обширного массива уездов Эстонии и Литвы с величиной ИЭМ менее 0,2 нами предложено ввести промежуточный рубеж в $ИЭМ = 0,1$, тем самым выделив в полном смысле слова моноэтнические территории и уезды с несколько более сложной этнической структурой населения (ЭКЗ слабой выраженности).

В ходе изучения динамики ИЭМ в длительно существующих двухкомпонентных этноконтактных зонах нами была выявлена волнообразность процесса развития ЭКЗ [24]. Благодаря этому нами выделены две основные фазы развития ЭКЗ, определяемые как динамикой ИЭМ, так и долей титульного (или нетитульного) населения национальных территорий. Это фазы роста ЭКЗ (увеличение ИЭМ) и растворения ЭКЗ (уменьшение ИЭМ). Так как рост ЭКЗ может быть вызван увеличением удельного веса как титульного, так и нетитульного населения, нами предложено выделять отдельно «волны» титулизации (рост доли титульных этносов) и детитулизации (рост доли нетитульного населения).

Такое выделение фаз и «волн» развития ЭКЗ позволило определить с помощью графика динамики ИЭМ основные стадии развития обозначенных выше пяти этноконтактных зон. В качестве дополнительной характеристики на графиках дается изменение доли титульных народов, чтобы облегчить задачу разделения «волн» титулизации и детитулизации (до момента создания республик — «волн» коренизации и декоренизации).

Результаты исследования и их обсуждение

На рисунке 1 отображена величина ИЭМ по регионам Эстонии, Латвии и Литвы по итогам переписи населения 2021 г. Наиболее пестрыми в этническом плане регионами в Эстонии являются уезд Ида-Вирумаа и столица страны Таллин (ИЭМ

свыше 0,4), в Латвии — регион Латгале (русское название — Латгалия) и столица страны Рига (в этих двух случаях ИЭМ превышает 0,6), в Литве — ее столица Вильнюс и столичный уезд (ИЭМ свыше 0,4). Фактически эти территории представляют собой наиболее выраженные этноконтактные зоны трех государств Прибалтики, к тому же имеющие длительную историю развития. Поэтому именно они были выбраны для анализа динамики ИЭМ, а точнее, для выделения стадий развития ЭКЗ за более чем вековой период. Из данного анализа выпал только столичный уезд Литвы по причине неустойчивости административных границ этого региона. Поэтому от Литвы для исследования был отобран только город Вильнюс.

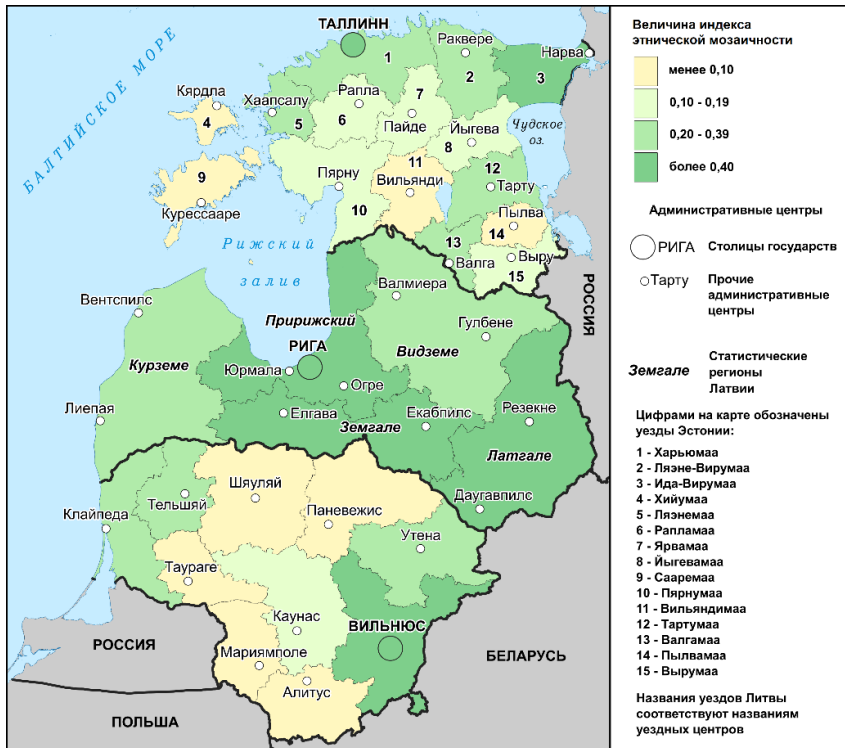

Рис. 1. Величина индекса этнической мозаичности по регионам Эстонии, Латвии и Литвы по итогам переписи населения 2021 г.

На рисунке 2 представлена динамика ИЭМ с 1881 по 2022 г. по пяти выделенным этноконтактным зонам с разбивкой на стадии развития ЭКЗ и с дополнительной характеристикой — изменением удельного веса титульных этносов. Наиболее очевидные волны развития ЭКЗ наблюдаются в двух этноконтактных зонах Эстонии — Таллине и уезде Ида-Вирумаа.

В **Таллине** вплоть до включения Эстонии в состав СССР росла доля титульного этноса, в результате чего снижался ИЭМ. Этот период этнической истории Таллина можно охарактеризовать как фазу растворения ЭКЗ на «волне» титулизации населения. В последующем, вплоть до повторного получения Эстонией независимости, в Таллине происходило снижение удельного веса эстонского населения и, соответственно, увеличение ИЭМ. Данный период можно рассматривать как фазу роста ЭКЗ на «волне» детитулизации населения. В постсоветский период столичная ЭКЗ вновь перешла к фазе растворения на «волне» титулизации. Однако эта фаза была прервана на короткий период (с 2014 по 2020 г.), когда в столице временно умень-

шалась доля эстонцев, что соответствует фазе роста ЭКЗ на «волне» детитулизации населения. После 2020 г. Таллин вернулся к своей обычной постсоветской динамике этнической мозаичности.

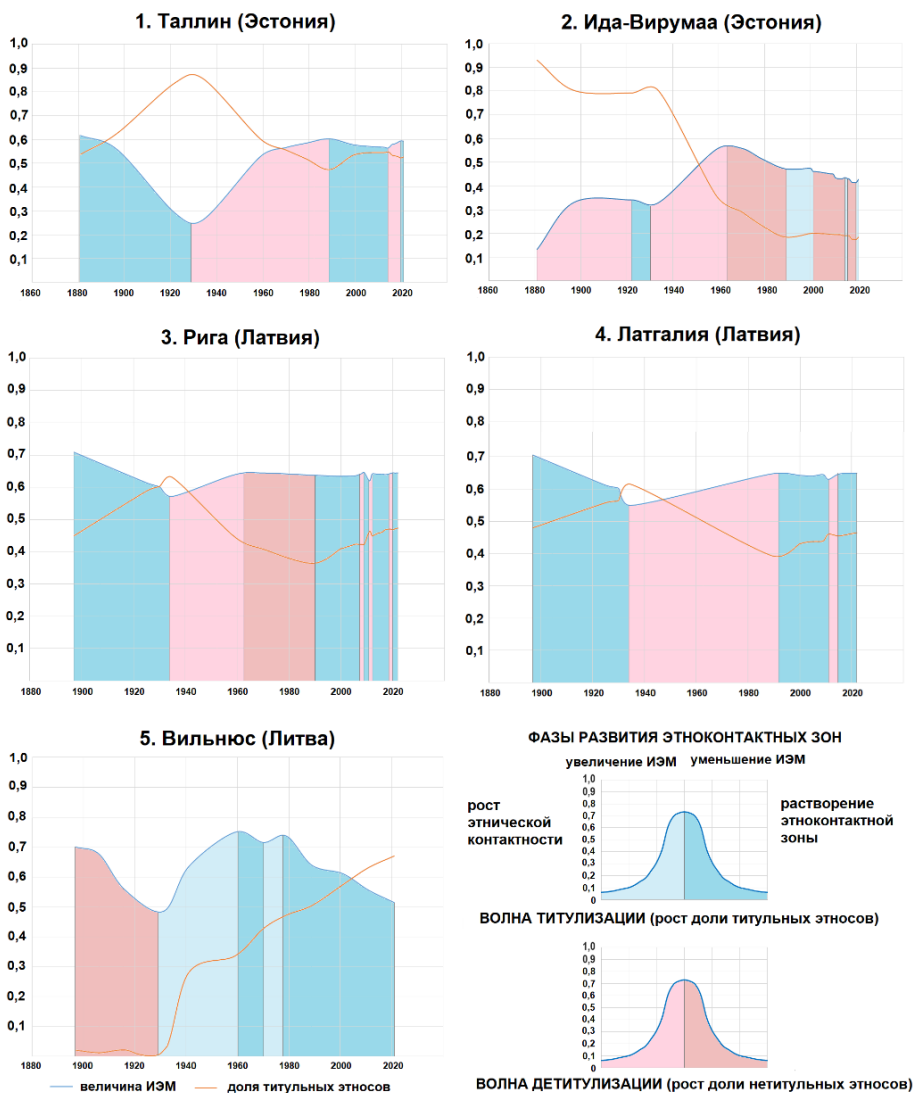

Рис. 2. Динамика индекса этнической мозаичности с 1881 по 2022 г. в пяти наиболее выраженных этноконтактных зонах Эстонии, Латвии и Литвы

Ида-Вирумаа ныне является самым русскоязычным уездом Эстонии, доля русских здесь, по итогам переписи населения 2021 г., составляла 73,2%, а эстонцев — всего 18,4%. Однако в довоенный период доля эстонцев здесь превышала половину населения, правда, ее небольшой рост происходил только в период первой независимости Эстонии. В итоге вплоть до 60-х гг. XX в. здесь наблюдался преимущественно рост ЭКЗ на «волне» детитулизации населения, хотя и с небольшим перерывом на 1920—1930-е гг., когда лишь обозначилось кратковременное растворение ЭКЗ на «волне» титулизации. Но уже с 1960-х гг. началось растворение ЭКЗ на «волне» детитулизации. Причем в постсоветский период в основном сохранялась

именно такая динамика ЭКЗ, несмотря на попытки подтянуть долю титульного этноса в 90-е гг. XX в. и в отдельные годы XXI в., чтобы начать новый рост ЭКЗ на «волне» титулизации.

Две этноконтактные зоны, выбранные для анализа на территории Латвии (*Рига* и *Латгалия*), несмотря на принципиально отличающееся географическое положение и разную этническую структуру населения, имеют очень схожую динамику. Эта схожесть объясняется следованию Риги и Латгалии общим трендам изменения этнической мозаичности в Латвии, но в смягченном виде, без резких скачков, что показало и исследование А. Немца [20]. Вплоть до вхождения Латвии в Советский Союз происходило растворение обеих ЭКЗ на «волне» титулизации населения. В последующем начался рост ЭКЗ уже на «волне» детитулизации. На этой «волне» ЭКЗ приблизились вплотную к стадии растворения, но после распада СССР восстановилась «волна» титулизации. И теперь растворение ЭКЗ шло на этой «волне», но очень неуверенно, с кратковременными периодами детитулизации во втором десятилетии XXI в. Такую особенность развития ЭКЗ в этот период можно обозначить как «фазовую неустойчивость».

Иная динамика ИЭМ и удельного веса титульного населения характеризует столицу Литвы. В *Вильнюсе* вплоть до получения им статуса столицы Литвы в 1939 г. была крайне низка доля литовцев. В 20—30-е гг. XX в. титульным населением Вильнюса были поляки, и растворение ЭКЗ в этот период шло в их пользу. Нужно отметить, что некоторая нестыковка ключевых дат политической истории и стадий развития ЭКЗ на графике связана с отсутствием данных по этническому составу населения в эти моменты и с вынужденной привязкой ИЭМ к годам проведения переписей населения. Но очевидно, что уже в довоенный период в Вильнюсе начинается быстрое увеличение удельного веса литовцев, и ЭКЗ переходит к фазе роста на «волне» титулизации, а во второй половине XX в. — к растворению на той же «волне».

Таким образом, на примере пяти рассмотренных ЭКЗ можно выделить три основных типа динамики ЭКЗ. Первый тип характерен для столиц Эстонии и Латвии, а также для латвийского региона Латгале. В этом типе чередуются периоды роста и растворения ЭКЗ на «волнах» титулизации и детитулизации населения в зависимости от политической истории Эстонии и Латвии. Второй тип динамики ЭКЗ представляет эстонский уезд Ида-Вирумаа, успевший испытать обе фазы развития ЭКЗ на «волне» детитулизации населения, в которые не смогли внести перелом кратковременные «волны» титулизации в периоды независимости Эстонии. Третий тип, включающий обе фазы развития ЭКЗ на «волне» титулизации населения, показала столица Литвы.

В представленной методике имеются и нерешенные задачи, возникшие из-за сложного характера развития многокомпонентных ЭКЗ. Методика была изначально разработана для двухкомпонентных этнических систем, где динамика ИЭМ напрямую связана с изменением соотношения удельного веса двух этносов. В многокомпонентных ЭКЗ изменение удельного веса одного из этносов, пусть и наиболее многочисленного, не является единственным фактором динамики ИЭМ, так как на нее влияет и изменение соотношения других этносов. Поэтому максимальные и минимальные значения ИЭМ не всегда сопряжены с критическими моментами в динамике доли титульного этноса (начало роста или падения удельного веса, пересечение рубежа в 50 % от всего населения). Решить эту научную задачу еще предстоит в последующих исследованиях. В целом же соединение в предложенной методике динамики ИЭМ и изменения удельного веса титульных народов представляет новый взгляд на этнические процессы на многонациональных территориях, а именно — сквозь призму стадийности развития этноконтактных зон.

Выводы

В ходе исследования с помощью индекса этнической мозаичности были определены пять наиболее выраженных этноконтактных зон Эстонии, Латвии и Литвы, в число которых вошли все столицы стран Прибалтики, а также уезд Ида-Вирумаа в Эстонии и регион Латгале в Латвии. Длительность существования данных этноконтактных зон позволила выявить в них стадии развития за более чем вековой период. Методика выделения стадий развития этноконтактных зон строится на одновременном учете направленности изменения индекса этнической мозаичности (фазы роста и растворения этноконтактных зон) и положительной или отрицательной динамики удельного веса титульных этносов («волны» титулизации и детитулизации населения).

В итоге проведенного анализа были выявлены три основных типа динамики этноконтактных зон. Первый тип представили Таллин, Рига и латвийский регион Латгале. В этом типе чередуются периоды роста и растворения этноконтактных зон на «волнах» титулизации и детитулизации населения в зависимости от политической истории республик. Второй тип динамики этноконтактных зон продемонстрировал эстонский уезд Ида-Вирумаа, успевший испытать обе фазы развития этноконтактной зоны на «волне» детитулизации населения, в которые не смогли внести перелом кратковременные «волны» титулизации в периоды независимости Эстонии. Третий тип динамики, представленный Вильнюсом, включает обе фазы развития этноконтактной зоны (рост и растворение) на «волне» титулизации населения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтогенность».

Список литературы

1. Казьмина, О. Е. 1991, Динамика численности национальных групп Эстонии в XX в., *Расы и народы*, вып. 21, М., Наука, с. 79—99.
2. Казьмина, О. Е. 1991, Динамика этнической структуры населения Латвии в XX веке, *Национальные процессы в СССР*, М., Наука, с. 187—216.
3. Кабузан, В. М. 2009, *Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX—XX вв. (1795—2000 гг.)*, М. EDN: QBRENT
4. Эккель, Б. М. 1976, Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР, *Советская этнография*, № 2, с. 33—39.
5. Покшишевский, В. В. 1969, Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения, *Советская этнография*, № 5, с. 3—15.
6. Дорофеева, Д. Ю., Савоскул, М. С. 2010, Изменение этнической мозаичности регионов России, *Этническая демография. Сборник статей*, Данилова, И. А., Хараева, О. А. (ред.), М., МАКС Пресс, с. 72—93. EDN: VLSNND
7. Greenberg, J. H. 1956, The Measurement of Linguistic Diversity, *Language*, vol. 32, № 1, p. 109—115, <https://doi.org/10.2307/410659>
8. Montalvo, J. G., Reynal-Querol, M. 2005, Ethnic Diversity and Economic Development, *Journal of Development Economics*, vol. 76, № 2, p. 293—323, <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2004.01.002>
9. Casey, G., Owen, A. 2014, Inequality and fractionalization, *World Development*, vol. 56, p. 32—50, <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.10.007>
10. Fedderke, J., Luiz, J., de Kadt, R. 2008, Using fractionalization indexes: Deriving methodological principles for growth studies from time series evidence, *Social Indicators Research*, vol. 85, p. 257—278, <https://doi.org/10.1007/s11205-007-9090-x>

11. Awaworyi Churchill, S., Okai, D., Posso, A. 2016, Internet Use and Ethnic Heterogeneity in a Cross-Section of Countries, *Economic Papers: A journal of applied economics and policy*, vol. 35, № 1, p. 59—72, <https://doi.org/10.1111/1759-3441.12125>
12. Alesina, A., La Ferrara, E. 2005, Ethnic Diversity and Economic Performance, *Journal of Economic Literature*, vol. 43, № 3, p. 762—800, <https://doi.org/10.1257/002205105774431243>
13. Campos, N., Saleh, A., Kuzeyev, V. 2011, Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth, *Journal of International Trade and Economic*, vol. 20, № 2, p. 129—152, <https://doi.org/10.1080/09638199.2011.538218>
14. Papyrakis, E., Mo, P.H. 2014, Fractionalization, polarization, and economic growth: identifying the transmission channels, *Economic Inquiry*, vol. 52, p. 1204—1218, <https://doi.org/10.1111/ecin.12070>
15. Bufetova, A. N., Khrzhanovskaya, A. A., Kolomak, E. A. 2020, Cultural heterogeneity and economic development in Russia, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 13, № 4, p. 453—463, <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>
16. Vasilyeva, R. I., Rozhina, E. A. 2022, Econometric Modeling of the Impact of Ethnic Diversity on Economic Diversification: Analysis of Russian Regions, *Journal of Applied Economic Research*, vol. 21, № 4, p. 663—684, <https://doi.org/10.15826/vestnik.2022.21.4.023>
17. Suslov, N. I., Isupova, E. N., Ivanova, A. I. 2022, Ethnic Diversity in Russian Regions and Economic Growth: Theoretical Model and Its Approbation on Panel Data, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 33, p. 149—156, <https://doi.org/10.1134/S1075700722020149>
18. Dražanová, L. 2020, Introducing the Historical Index of Ethnic Fractionalization (HIEF) Dataset: Accounting for Longitudinal Changes in Ethnic Diversity, *Journal of Open Humanities Data*, vol. 6, № 1, <https://doi.org/10.5334/johd.16>
19. Németh, Á., Šolks, G. 2012, Alteration of the Ethnic Diversity and Ethnic Segregation Index in Latvia During the First and Second Independence Periods, *The Romanian Journal for Baltic and Nordic Studies*, vol. 4, № 1, p. 9—33, https://doi.org/10.53604/rjbnsv4i1_2
20. Németh, Á. 2013, Ethnic diversity and its spatial change in Latvia, 1897—2011, *Post-Soviet Affairs*, vol. 29, № 5, p. 404—438, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.807604>
21. Manakov, A. G. 2020, Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017, *Regional Research of Russia*, vol. 10, p. 574—582, <https://doi.org/10.1134/S2079970520040176>
22. Манаков, А. Г., Вампилова, Л. Б. 2023, Оценка степени неоднородности этнической структуры населения Крыма с 1897 по 2014 гг., *Псковский регионологический журнал*, т. 19, № 1, с. 113—128, <https://doi.org/10.37490/S221979310023933-9>
23. Манаков, А. Г. 2019, Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг., *Известия РАН. Серия географическая*, № 2, с. 117—128, <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128>
24. Теренина, Н. К. 2022, Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения, *Псковский регионологический журнал*, т. 18, № 1, с. 101—116, <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>
25. Горохов, С. А. 2014, Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира, *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, № 4, с. 56—61.
26. Гарипов, Я. З. 2015, О методике количественного измерения уровня межэтнического общения, *Вестник экономики, права и социологии*, 2015, № 3, с. 194—197. EDN: ULQZDT
27. Лысенко, А. В., Водопьянова, Д. С., Азанов, Д. С. 2011, Этноконтактные зоны Северного Кавказа, *Вестник Ставропольского государственного университета*, 2011, № 3, с. 165—170. EDN: NYEPIP
28. Лысенко, А. В., Азанов, Д. С., Водопьянова, Д. С. 2013, Этноконтактные зоны в системе этнокультурного районирования Северного Кавказа, *Наука. Инновации. Технологии*, № 1, с. 130—137. EDN: RTNOIX
29. Орлов, А. Ю. 2013, Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации, *Региональные исследования*, № 2 (40), с. 120—124. EDN: RBQHMB

30. Шитиков, Ф. В. 2015, Географические особенности этноконфессиональной ситуации на территории Республики Бурятия, *Известия Иркутского университета. Сер.: Науки о Земле*, т. 11, с. 141 – 148. EDN: T1JBWH

Об авторах

Наталья Константиновна Теренина, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: brazelon@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5288-9409>

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Роман Николаевич Кроток, младший научный сотрудник молодежной научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: roma.krotok@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5111-0686>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

DEVELOPMENT STAGES OF ETHNIC CONTACT ZONES IN ESTONIA, LATVIA AND LITHUANIA SINCE THE END OF THE 19th CENTURY

N. K., Terenina

A. G., Manakov

R. N. Krotok

Pskov State University,
2 Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia

Received 09 September 2023

Accepted 21 March 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2024-2-8

Terenina, N. K., Manakov, A. G., Krotok, R. N., 2024

The analysis of changes in the ethnic structure of the population is one of the most central topics in the study of the development of Estonia, Latvia and Lithuania. This work aims to identify stages in the evolution of ethno-contact zones in the Baltic States, using ethnic statistics from

To cite this article: Terenina, N. K., Manakov, A. G., Krotok, R. N. 2024, Development stages of ethnic contact zones in Estonia, Latvia and Lithuania since the end of the 19th century, *Baltic Region*, vol. 16, № 2, p. 144–156. doi: 10.5922/2079-8555-2024-2-8

the end of the 19th century to the present. This study employs, for the first time, a methodology for identifying stages of ethnic contact zone development. This methodology simultaneously considers the direction of change in the ethnic mosaic index used to determine the phases of growth and dissolution of ethnic contact zones and the positive or negative dynamics of the proportion of titular ethnic groups. The ethnic mosaic index helped identify five prominent ethnic contact zones: the capitals of the Baltic countries, Ida-Viru County in Estonia and the Latgale region in Latvia. Over the past century and a half, these ethnic contact zones have exhibited three different types of dynamics. The first is characteristic of Tallinn, Riga and the Latgale region, where phases of ethnic contact zone growth and dissolution alternate as the proportion of titular ethnic groups changes in response to the vicissitudes of history. The second is peculiar to the Estonian county of Ida-Virumaa, which has experienced phases of ethnic contact zone development and an increase in the non-titular population. The third, exemplified by Vilnius, combines phases of ethnic contact zone growth and dissolution with a rise in the proportion of the titular ethnic group. The proposed methodology can be extended to the analysis of ethnic contact zone development in other territories as well.

Keywords:

national composition, ethnic mosaic index, monoethnicity, polyethnicity, titular peoples, non-titular population

References

1. Kazmina, O.E. 1991, Dynamics of the number of Estonian national groups in the 20th century, *Rasy`i narody` [Races and peoples]*, №21, p. 79–99 (in Russ.).
2. Kazmina, O.E. 1991, Dynamics of the ethnic structure of the population of Latvia in the XX century, *Nacional`ny`e processy` v SSSR [National processes in the USSR]*, p. 187–216 (in Russ.).
3. Kabuzan, V.M. 2009, *Formirovanie mnogonacional`nogo naseleniya Pribaltiki (E`stonii, Latvii, Litvy`, Kaliningradskoj oblasti Rossii) v XIX–XX vv. (1795–2000 gg.)* [Formation of the multinational population of the Baltic states (Estonia, Latvia, Lithuania, the Kaliningrad region of Russia) in the 19th–20th centuries (1795–2000)], M., 152 p. (in Russ.).
4. Ekkel, B.M. 1976, Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR, *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, №2, p. 33–39 (in Russ.).
5. Pokshishevsky, V.V. 1969, Ethnic processes in the cities of the USSR and some problems of their study, *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, №5, p. 3–15 (in Russ.).
6. Dorofeeva, D. Yu., Savoskul, M. S. 2010, Changing the ethnic mosaic of Russian regions, In: Danilova, I. A., Kharaeva, O. A. (eds.), *Jetnicheskaja demografija. Sbornik statej [Ethnic demography. Collection. Ser. Demographic Research]*, M., MAKS Press, p. 72–93. EDN: VLSNND (in Russ.)
7. Greenberg, J.H. 1956, The Measurement of Linguistic Diversity, *Language*, vol. 32, №1, p. 109–115, <https://doi.org/10.2307/410659>
8. Montalvo, J.G., Reynal-Querol, M. 2005, Ethnic Diversity and Economic Development, *Journal of Development Economics*, vol. 76, №2, p. 293–323, <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2004.01.002>
9. Casey, G., Owen, A. 2014, Inequality and fractionalization, *World Development*, vol. 56, p. 32–50, <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.10.007>
10. Fedderke, J., Luiz, J., de Kadt, R. 2008, Using fractionalization indexes: Deriving methodological principles for growth studies from time series evidence, *Social Indicators Research*, vol. 85, p. 257–278, <https://doi.org/10.1007/s11205-007-9090-x>

11. Awaworyi Churchill, S., Okai, D., Posso, A. 2016, Internet Use and Ethnic Heterogeneity in a Cross-Section of Countries, *Economic Papers: A journal of applied economics and policy*, vol. 35, № 1, p. 59—72, <https://doi.org/10.1111/1759-3441.12125>
12. Alesina, A., La Ferrara, E. 2005, Ethnic Diversity and Economic Performance, *Journal of Economic Literature*, vol. 43, № 3, p. 762—800, <https://doi.org/10.1257/002205105774431243>
13. Campos, N., Saleh, A., Kuzeyev, V. 2011, Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth, *Journal of International Trade and Economic*, vol. 20, № 2, p. 129—152, <https://doi.org/10.1080/09638199.2011.538218>
14. Papyrakis, E., Mo, P.H. 2014, Fractionalization, polarization, and economic growth: identifying the transmission channels, *Economic Inquiry*, vol. 52, p. 1204—1218, <https://doi.org/10.1111/ecin.12070>
15. Bufetova, A. N., Khrzhanovskaya, A. A., Kolomak, E. A. 2020, Cultural heterogeneity and economic development in Russia, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 13, № 4, p. 453—463, <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0582>
16. Vasilyeva, R. I., Rozhina, E. A. 2022, Econometric Modeling of the Impact of Ethnic Diversity on Economic Diversification: Analysis of Russian Regions, *Journal of Applied Economic Research*, vol. 21, № 4, p. 663—684, <https://doi.org/10.15826/vestnik.2022.21.4.023>
17. Suslov, N. I., Isupova, E. N., Ivanova, A. I. 2022, Ethnic Diversity in Russian Regions and Economic Growth: Theoretical Model and Its Approbation on Panel Data, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 33, p. 149—156, <https://doi.org/10.1134/S1075700722020149>
18. Dražanová, L. 2020, Introducing the Historical Index of Ethnic Fractionalization (HIEF) Dataset: Accounting for Longitudinal Changes in Ethnic Diversity, *Journal of Open Humanities Data*, vol. 6, № 1, <https://doi.org/10.5334/johd.16>
19. Németh, Á., Šolks, G. 2012, Alteration of the Ethnic Diversity and Ethnic Segregation Index in Latvia During the First and Second Independence Periods, *The Romanian Journal for Baltic and Nordic Studies*, vol. 4, № 1, p. 9—33, https://doi.org/10.53604/rjbnsv4i1_2
20. Németh, Á. 2013, Ethnic diversity and its spatial change in Latvia, 1897—2011, *Post-Soviet Affairs*, vol. 29, № 5, p. 404—438, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.807604>
21. Manakov, A. G. 2020, Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017, *Regional Research of Russia*, vol. 10, p. 574—582, <https://doi.org/10.1134/S2079970520040176>
22. Manakov, A. G., Vampilova, L. B. 2023, Assessment of the degree of heterogeneity of the ethnic structure of the population of the Crimea from 1897 to 2014, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 19, № 1, p. 113—128, <https://doi.org/10.37490/S221979310023933-9> (in Russ.).
23. Manakov, A. G. 2019, Evaluation of changes in the ethnic mosaic of regions of European Russia in periods between the 1897, 1959 and 2010 censuses, *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, № 2, p. 117—128, <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128> (in Russ.).
24. Terenina, N. K. 2022, Ethnic contact index as a tool for studying territories with a mixed national composition of the population, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 18, № 1, p. 101—116, <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2> (in Russ.).
25. Gorokhov, S. A. 2014, Religious fractionalization as a factor of regional economic development in the modern world, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, № 4, p. 56—61 (in Russ.).
26. Garipov, Yu. Z. 2015, About a technique of quantitative measurement of level of interethnic communication, *Review of Economy, the Law and Sociology*, 2015, № 3, p. 194—197. EDN: ULQZDT (in Russ.).

27. Lysenko, A. V., Vodopyanova, D. S., Azanov, D. S. 2011, Ethnic-contact zones of the North Caucasus, *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, №3, p. 165–170. EDN: NYEPIP (in Russ.).

28. Lysenko, A. V., Azanov, D. S., Vodopyanova, D. S. 2013, Ethnocontact zones in system of ethnocultural division into districts of the North Caucasus, *Science. Innovation. Technologies*, №1, p. 130–137. EDN: RTNOIX (in Russ.).

29. Orlov, A. Yu. 2013, Historical and geographical aspects of the transformation of ethnic structure of the Russian Federation's population, *Regional Studies*, №2 (40), p. 120–124. EDN: RBQHMB (in Russ.).

30. Shitikov, F. V. 2015, Geographic specifics of ethno-confessional situation in the republic of Buryatia, *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Earth Sciences*, vol. 11, p. 141–148. EDN: TJBBWH (in Russ.).

The authors

Dr Natalia K. Terenina, Pskov State University, Russia.

E-mail: brazelon@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5288-9409>

Prof Andrei G. Manakov, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Roman N. Krotok, Junior Research Fellow, PhD student, Pskov State University, Russia.

E-mail: roma.krotok@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5111-0686>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))